

Д.Ю. Бовыкин
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

CUM IRA ET STUDIO
О РАННЕ НЕИЗВЕСТНОЙ РАБОТЕ Н.И. КАРЕЕВА

Эссе посвящено книге выдающегося представителя «русской школы» историографии Николая Ивановича Кареева, написанной в последние годы Первой Мировой войны, но опубликованной только сейчас. В этом труде Кареев изложил свои взгляды на всемирную историю в целом, свое понимание прогресса человеческого общества и процесса развития цивилизаций. Автор приходит к выводу, что лишь европейская цивилизация движется по «большой дороге истории», поскольку она одна смогла распространить своё влияние на весь мир, а остальные цивилизации на протяжении последних веков заимствовали её достижения. По его мысли, они на том или ином этапе оставались на периферии истории из-за деспотизма и догматизма: турок и монголов он в принципе считает врагами цивилизации, а господство арабской цивилизации, согласно его концепции, было обеспечено лишь физической силой.

Ключевые слова: Кареев, историография, философия истории, «русская школа»

Цитирование: *Бовыкин Д.Ю. Cum ira et studio. О ранне неизвестной работе Н.И. Кареева. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-348-364 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 348-364.*

Поступила в редакцию 29.04.2021

Принята к печати 11.06.2021

Dmitry Y. Bovykin
Lomonosov Moscow State University

CUM IRA ET STUDIO
ON THE PREVIOUSLY UNKNOWN WORK BY N.I. KAREEV

The essay is dedicated to the book by Nikolai Ivanovich Kareev, an outstanding representative of the "Russian school" of historiography, written in the last years of the First World War, but published only now. In this

work, Kareev outlined his views on world history, his understanding of the progress of human society and the development of civilizations. The author comes to the conclusion that only European civilization is moving along the "wide road of history", since it alone was able to spread its influence over the whole world, and other civilizations over the past centuries borrowed its achievements. In his opinion, at one stage or another, they remained on the periphery of history due to despotism and dogmatism: in principle, he considers the Turks and Mongols to be enemies of civilization, and the rule of Arab civilization, according to his concept, was guaranteed only by physical force.

Keywords: Kareev, historiography, philosophy of history, "Russian school"
Citation: Bovykin B. (2021). Cum ira et studio. O ranee neizvestnoï rabote N.I. Kareeva [Cum ira et studio. On the previously unknown work by N.I. Kareev]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-348-364. *Annual of French Studies* 2021, vol. 54, p. 348-364.

Для любого отечественного франковеда и особенно для специалистов по новой истории Франции Николай Иванович Кареев – одна из ключевых фигур в нашей историографии. Его имя едва ли не в первую очередь приходит на ум, когда вспоминают о знаменитой «русской школе» изучения Французской революции. Признанный специалист по истории французского крестьянства XVIII в., автор нескольких работ о парижских секциях эпохи Французской революции. Он, пожалуй, как никто из его коллег стремился показать спасительность и благотворность революции во Франции, убеждая, что столь же спасительна и благотворна будет революция и в России. Человек широчайшего кругозора, он в разные периоды своей жизни занимался историей не только Франции, но и Польши, не только Новым временем, но и Античностью, Средними веками, эпохой Возрождения. Автор научных и научно-популярных книг, учебников, работ по историографии, социологии, мифологии, Кареев, однако, в первую очередь был историком, имевшим вкус к глобальным, обобщающим трудам.

В мемуарах, написанных на закате жизни, он отмечал три основные особенности своего творчества. Во-первых, предпочтение «работы синтетической, обобщающей, объединяющей», а не «аналитической, детальной и изолирующей». Тех, кто, на его взгляд, недостаточно стремился к обобщениям, он иронично называл «фактопоклонниками». Во-вторых, теснейшая связь с о-

временностью: «просто в силу своего характера и темперамента я не мог замыкаться от влияния со стороны окружающей жизни в своих научных интересах». И в-третьих, интерес к философии, который со временем принял «историко-теоретическую и социологическую окраску»¹. На стыке этих трех сфер научных интересов Кареева и родилась его недавно вышедшая в издательстве «Инфра-М» книга «По большой дороге истории»².

Однако прежде, чем перейти к ее рассмотрению, замечу, что предпочтение Кареевым глобальных, а не конкретно-исторических штудий породило весьма любопытный парадокс, связанный с его творчеством. Если книги Кареева по истории парижских секций³ или восстания 13 вандемьера IV года Республики⁴ сохраняют свое научное значение и по сей день, то его обобщающая работа по истории Французской революции⁵ воспринимается сегодня с изрядной долей скепсиса. Как справедливо писал об историках «русской школы» А.В. Чудинов: «Проводимые ими исследования *конкретных* проблем выполнялись на высочайшем профессиональном уровне и во многих случаях до сих пор не утратили научной ценности. Вместе с тем, в их обобщающих работах, рассчитанных на широкую публику, Французская революция изображалась односторонне, как своего рода праздничное действо, олицетворяющее торжество свободы над деспотизмом. При этом факты не искажались, о них просто недоговаривали. Темные стороны Революции затушевывались, вопрос о ее “цене” обходился стороной»⁶.

Столь же уязвимы и книги Кареева по истории Западной Европы. Изложенные в них концепции кажутся сегодня удивительно политизированными для столь глубокого знатока западноевропейских реалий. Когда, к примеру, читаешь, что абсолютизм покончил с «правом нации участвовать в законодательстве, вотировать налоги, контролировать администрацию, даже влиять некоторым

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Лг., 1990. С. 249–251.

² Кареев Н.И. По большой дороге истории. М.: Инфра-М, 2020. 342 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи.

³ См., в частности: *Он же*. Парижские секции времен Французской революции (1790–1795). СПб., 1911; *Он же*. Незнанные документы по истории парижских секций 1790–1795 гг. СПб., 1912.

⁴ *Он же*. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? Харьков, 1914; *Он же*. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III года. По архивным источникам. Пг., 1915.

⁵ *Он же*. Великая французская революция. Пг., 1918.

⁶ Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М., 2007. С. 16.

образом и на внешнюю политику»⁷, то невольно спрашиваешь себя, о какой стране, собственно, идет речь – особенно при том, что в большинстве европейских стран представления о правах нации, да и сами нации появились позже (а порой и значительно позже) абсолютизма.

Тем интереснее было взять в руки новую книгу Кареева «По большой дороге истории», в которой он выступает, пожалуй, еще более последовательным приверженцем, как мы бы сказали сегодня, «глобальной истории», чем во многих других своих работах. Главный вопрос, ответу на который посвящен весь этот труд, звучит так: «Какой путь привел к современной цивилизации?» Именно этот путь Кареев и называет «большой дорогой истории». Книга, таким образом, вполне созвучна сегодняшней научной моде, когда проблеме «Почему Европа?»⁸ посвящают статьи и монографии десятки специалистов.

Разумеется, эту книгу Кареева можно назвать новой лишь в том плане, что ранее она была неизвестна широкому кругу специалистов и существовала лишь в рукописи. Профессор Сыктывкарского государственного университета Василий Павлович Золотарёв, много лет вместе со своими коллегами занимающийся изучением творчества Кареева и проделавший огромную работу по подготовке этой рукописи к печати, датирует ее 1916-1918 гг.

В предисловии В.П. Золотарёв напоминает о том, что изучению истории цивилизаций отдали дань многие историки – от Гизо до Тойнби. Среди непосредственных предшественников Кареева он называет Льюиса Генри Моргана с его книгой «Древнее общество» и Фридриха Энгельса, написавшего под влиянием составленного Марксом конспекта книги Моргана свою, пожалуй, наиболее известную работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Интересно, что с обеими этими книгами, как удалось установить Золотарёву, Кареев был знаком (С. 23).

Не совсем, правда, понятно, почему автор предисловия считает общность убеждений Моргана, Энгельса, Кареева и Маркса в том, что человечество прошло в своем развитии три этапа – «дикость, варварство, цивилизация», свидетельством истинности данной гипотезы. «Четыре титана мысли, – отмечает Золотарёв, – сошлись

⁷ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1893. Т. 3. С. 32.

⁸ Такое название носит, например, книга: *Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850.* М., 2014.

во мнении. С тех пор много воды утекло, а твердое убеждение Моргана остается верным – периодизация Моргана, поддержанная Марксом, Энгельсом, Кареевым “несомненно остаётся в силе” и в наши дни» (С. 23–24). У различных мыслителей представления и об историческом процессе, и о многих других вещах, действительно, нередко могут совпадать, но это никоим образом не служит доказательством их истинности: вспомним хотя бы о том, сколько выдающихся умов человечества разделяло убеждение в геоцентрической космогонии. Более того, хотя к приведенному списку можно было бы добавить и других «титанов мысли», начиная, скажем, с Адама Фергюссона, критерии для определения той или иной стадии развития человечества у них разнятся, что заставляет задаться вопросом, действительно ли эти мыслители видели мировую историю схожим образом. Если, к примеру, для Моргана варварство от цивилизации отделяет лишь появление алфавита⁹, то для Энгельса таким водоразделом служит окончательная победа моногамной семьи¹⁰, но главное – появление классового общества¹¹. Иными словами, за внешне схожими классификациями ступеней развития человечества скрывается принципиально разное их понимание.

Это различное понимание во многом определялось самим генезисом понятия «цивилизация». От латинского *civitas* к нашему пониманию данного концепта ведут (в основном через Францию) несколько различных путей. Нас интересует тот, который вобрал в себя ряд смыслов греческого *πολιτικός* и превратился во французское *civil* в значении как «относящийся к обществу», так и «живущий в обществе». В позднем Средневековье это слово стали употреблять и в моральном смысле – «добрый», «мягкий», «гуманный». В XVI в. появилось причастие *civilisé*, смысл которого постепенно менялся, пройдя путь от «пригодный к жизни в обществе» до «перешедший на более высокий этап материального, умственного и общественного развития». С 1720-х гг. слово *civilisation* стало означать как то, что делает людей более пригодными к жизни в обществе, так и процесс исторического развития, который приводит к такой жизни. Очевидно, за таким понимани-

⁹ Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Лг, 1935. С. 10.

¹⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 21. С. 65.

¹¹ Там же. С. 70.

ем стояло определенное представление о прогрессе: человек развивается, пока не становится цивилизованным, то есть пока не начинает жить в обществе¹². Тем не менее, на протяжении всего XVIII в. исследователи отмечают лишь очень редкие его употребления. Один из французских филологов писал: «В 1798 г. слово “цивилизация” официально появилось на территории и Французской Республики, и литературной республики¹³. <...> Оно представляло собой в моральной сфере то же, что метрическая система представляла в сфере материальной: это попытка согласовать поведение людей с человеческой природой»¹⁴. Действительно же популярным это слово становится лишь в XIX столетии, тогда же его начинают употреблять во множественном числе. При этом в мире оно зачастую воспринималось именно как французское. Люсьен Февр не без гордости цитирует письмо Ницше Стриндбергу: «Нет никакой иной цивилизации, кроме французской. Против этого нечего возразить; это сама истина, и она безусловно верна»¹⁵.

В начале XX в. Кареев употребляет понятие «цивилизация» как термин уже сложившийся, но при этом довольно сложно осознать, что, собственно, он в него вкладывает. В одних местах возникает впечатление, что он следует той же логике, которая позднее будет характерна для Тойнби: «Древнейшие цивилизации: египетская, вавилоно-ассирийская, индийская и китайская были цивилизациями речными» (С. 27). Но буквально на следующей странице Кареев использует это слово в совершенно ином значении – цивилизация у него становится глобальным понятием, охватывающим различные общества от египетского до современных: «Цивилизация вступила в третий свой период – океанический» (С. 28). Из-за этой терминологической неопределенности концепция автора оказывается излишне размытой, складывается ощущение, что его рассуждения о цивилизациях не более чем способ привлечь внимание читателя к своему труду.

Кареев задается также вопросом о том, существуют ли у истории некие единые законы. Хотя в историографии высказываются

¹² Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. d'A. Rey. P., 2011. Version numérique (ePub). Art. «Civil, ile», «Civiliser», «Civilisation».

¹³ Вероятнее всего, он имеет в виду появление этого слова в словаре Академии.

¹⁴ Цит. по: Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. P., 1930. Vol. 6. 1ère partie. P. 106.

¹⁵ Цит по: Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 241.

различные взгляды на то, был ли Кареев марксистом¹⁶, в данной работе он бесконечно далек от марксистской философии истории. Утверждая, что «взятая в целом история не подчиняется какому-либо единому основному закону», он, тем не менее, признает наличие в ней психологической и социологической «законосообразности» (С. 47). Это «законосообразность» далеко выходит за пределы простых причинно-следственных связей; по сути, ее синонимом является слово «закономерность». На практике же осознать разницу между законом и закономерностью у Кареева оказывается весьма не просто: по всей видимости, закономерность выступает в роли закона более мелкого масштаба, определяющего не «ход истории» в целом, а лишь отдельные ее повороты, впрочем, порой не менее судьбоносные. Так, возвращаясь своих мемуарах к вопросу о закономерностях, Кареев напишет про русскую революцию: «Пришествие ее было естественным и необходимым, т.е. законосообразным, моментом нашей исторической эволюции, ее неизбежной неотвратимой стадией»¹⁷.

Книга Кареева однозначно европоцентрична; «большой дорогой истории» он называет «именно ту, на которой выработалась европейская цивилизация» (С. 29). Таким образом, в основе его видения мировой истории лежит понятие прогресса, позволяющее делить народы на «отсталые» и «цивилизованные» и устанавливать иерархию «цивилизованности» внутри самой Европы. В авангарде человечества, по мысли Кареева, идут те нации, которые раньше других отправились по «большой дороге истории».

Превосходство европейцев Кареев доказывает тем, что цивилизация, созданная греками, стала первой, которая приобрела мировой характер. «Не Индия и не Китай пришли в Европу, а Европа в Индию и Китай» (С. 29). Не замечая иронии, которая содержится в этих словах, он указывает, что «приведение в известность самой большей части стран Старого Света было делом рук европейцев» (С. 287). Утверждение спорное – с учётом того, что «Азия в большей своей части стала известна западным европейцам <...> через средневековых арабских географов»¹⁸. Очевидно также, что само

¹⁶ Подробнее см.: *Матвеевская А.С.* Об отношении Н.И. Кареева к марксизму // Философия марксизма. История и современность. К 200-летию со дня рождения Карла Маркса. СПб., 2018. С. 140-147.

¹⁷ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 289.

¹⁸ *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. М., 1982. Т. 1. С. 189.

это «приведение в известность» касалось именно европейцев – вопрос о том, насколько окружающий мир был известен самим восточным цивилизациям, даже не ставится.

Практически в то же время, когда Шпенглер пишет «Закат Европы», Кареев, напротив, рассматривает европейское доминирование как своего рода «конец истории» – ту конечную точку, куда ведет «большая дорога истории». И всемирная история, по мнению Кареева заканчивается тем, что «произошло объединение всех стран и народов Старого и Нового Света под политическим, экономическим и культурным главенством европейских народов» (С. 294). «Весь мир пришел к признанию превосходства европейской науки и техники и тем самым признал, где пролегла большая дорога исторического процесса» (С. 304).

Этот тезис для автора настолько важен, что он возвращается к его доказательству вновь и вновь, однако приводимая им аргументация вызывает немало вопросов. Так, Кареев пишет: «К концу Средних веков судостроение и мореплавание, начало которому было положено финикийцами, достигло такого относительного совершенства, что европейские корабли могли пуститься в плавание по океану, сделавшемуся возможным еще вследствие применения к мореплаванию компаса, изобретённого в начале XIV века» (С. 296). Но ведь и по Атлантическому, и по Индийскому океану те же финикийцы и карфагеняне плавали задолго до эпохи Великих географических открытий¹⁹. Сам же Кареев двумя сотнями страниц ранее признает, что финикийцы не просто «положили начало» мореплаванию, а «выходили и за Геркулесовы столбы <...> и в своих торговых поездках проникали до берегов Немецкого и Балтийского морей» (С. 86). Впрочем, как сегодня известно, и для того времени, о котором пишет Кареев, размах европейских морских экспедиций впечатляет, только лишь если не сравнивать их с экспедициями тех народов, которых этот автор не видит на «большой дороге истории». Достаточно сопоставить, скажем, экспедицию Васко да Гамы со значительно более ранними китайскими морскими экспедициями в Индийский океан: четыре корабля Васко и 300 китайских, 170 участников против 28 000, водоизмещение кораблей от 70 до 300 тонн у португальцев и от 1500 до 3000 тонн у китайцев²⁰.

¹⁹ Там же. С. 41 и след.

²⁰ *Finlay R. Portuguese and Chinese Maritime Imperialism: Camoes's Lusians and Luo Maodeng's Voyage of the San Bao Eunuch // Comparative Studies in Society and History. 1992. Vol. 34.N 2. P. 227.*

«Не европейцы пошли учиться у индийцев и китайцев, а индийцы и китайцы у европейцев», – утверждает Кареев (С. 29). Любопытно меж тем, что в его книге рассказывается об истории ассирийцев и карфагенян, мидийцев и персов, но нет отдельных очерков, посвященных именно Индии и Китаю. Тогда как, скажем, в «Учебной книге древней истории», написанной им еще до войны, большой раздел об Индии присутствует²¹. Разумеется, Кареев отлично знал, что и в каком объеме Европа заимствовала у Востока, однако упоминает он об этом мельком и весьма пренебрежительно: «китайцы сделали некоторые изобретения, которые даже были использованы европейцами, но их техника продолжала целые столетия коснеть на одном уровне» (С. 76).

Сегодня, конечно, эта точка зрения воспринимается как крайне тенденциозная, причем сразу в двух планах. Прежде всего, в оценке влияния уровня науки и техники на судьбы цивилизации. «Китай вообще неудобен для сторонников военно-технологического детерминизма в истории, – отмечает П.Ю. Уваров. – Компас и порох, огнестрельное оружие и бумага, книгопечатание и куранты, реактивные снаряды и гидравлические двигатели, цепной и ременной приводы, мануфактурное производство – все эти и многие другие китайские изобретения не приводили в этой стране к структурным изменениям»²².

Еще более спорный вопрос, кто у кого и чему учился. Скажем, о том, что «так называемая арабская система цифр происходит <...> из Индии»²³, Кареев рассказывает в другой своей книге, но здесь даже не считает нужным об этом упомянуть. Однако по словам известного британского индолога Артура Бешэма, дело далеко не только в цифрах: «Человечество обязано Древней Индии почти всем, что касается математики. <...> Благодаря простоте числовой записи» Индия «изобрела элементарную алгебру, которая позволила делать расчеты более сложные, чем те, что могли производить греки. <...> Значение индийской науки для Запада невозможно переоценить. Большинство великих открытий и изобретений, которыми гордится Европа, были бы невозможны без созданной в Индии математической системы»²⁴. Есть и ряд иных

²¹ Кареев Н. Учебная книга древней истории. Пг., 1914. 9-е изд. С. 31 и след.

²² Уваров П.Ю. «Роскошь феодализма» // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 815.

²³ Кареев Н. Учебная книга древней истории. С. 33.

²⁴ Бешем А. Цивилизация Древней Индии. Екатеринбург, 2007. С. 313, 315.

знаний, которые непосредственно или опосредованно пришли в Европу именно из Индии. Скажем, хирурги Ост-Индской компании учились у индийцев искусству пластической хирургии²⁵.

«Взрывчатые смеси, – признает Кареев, – уже раньше были известны в Китае и в Индии, у арабов и в Византии (греческий огонь), но изобретение огнестрельного оружия – дело европейцев, как и применение пороха» (С. 296). Не совсем понятно, правда, что имеется в виду под «применением пороха», поскольку там, где он был изобретен задолго до Европы, там он и применялся²⁶. Нет у европейцев приоритета и в использовании огнестрельного оружия: у китайцев оно появилось значительно раньше.

Аналогичным образом дело обстоит и со многими другими вещами, которые европейская цивилизация заимствовала именно у китайской: причем, не просто заимствовала, но целенаправленно, вопреки тезису Кареева, стремилась научиться их изготовлению. Это, в частности, касается шелка²⁷ и фарфора: «В начале XVIII века появляются первые фарфоровые кабинеты, как, например, во дворце Шарлоттенбург в Берлине; керамисты известных мастерских начинают подражать китайскому фарфору как в формах, так и в декоре – раньше всего в Делфте, позже в Шантильи, Сен-Клу, Челси, Вустере и других городах»²⁸.

Впрочем, не только индийцы и китайцы изгнаны Кареевым с «большой дороги истории». Не менее решительно онотказывает в праве идти по ней и двум другим цивилизациям: монгольской и арабской. «Турки и монголы, – однозначно утверждает он, – были врагами цивилизации» (С. 35). Однако этот тезис не выдерживает никакой критики. «Монгольские завоевания способствовали началу масштабных миграционных процессов, новых культурных контактов, зарождению новых вкусов и моды, формированию идей космополитизма, – пишет сегодня Н.Н. Крадин. – Европейцы заключали браки с татарами Золотой Орды, давали своим детям имена, которые происходили от имен степняков: Алаоне (от Хулагу), Кассано (от Газана), Абага (от Абака) и др. Влияние монгольско-

²⁵ Там же. С. 320.

²⁶ Подробнее см.: *Келли Дж.* Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир. М., 2005.

²⁷ В середине VI в. Византия смогла завезти с Востока тутового шелкопряда и наладить производство шёлка-сырца. – *Пигулевская Н.* Византия на путях в Индию. М.-Л., 1951. С. 71 и след.

²⁸ *Арапова Т.Б.* Фарфор и керамика из Китая из Собрания Шанхайского музея. СПб., 2007. С. 35.

го мира прослеживается даже в одежде. К XIV в. в Европе вошло в моду так называемое “татарское платье”. <...> 250 подвязок из татарской ткани (темно-синего цвета), с золотой вышивкой были сделаны для рыцарей английского Ордена подвязки. С Ближнего Востока лапша попала в Китай и Италию, где стала одним из основных национальных блюд. Европейцы познакомились с технологией перегонки спирта, не говоря уже о таких принципиальных для Запада открытиях, как компас, порох и книгопечатание»²⁹.

Крайне пренебрежительно Кареев относится и к арабской цивилизации, «приходившей» в Европу и оказавшей на нее огромное влияние. Хотя он и перечисляет сделанные ей открытия (С. 224–225), но при этом подталкивает читателя к выводу, что главная заслуга арабов – в сохранении и передаче греческого наследия. Признавая, что долгое время арабская цивилизация была сильнее европейской, Кареев делает весьма парадоксальный вывод: это «был перевес физической силы, но не духовной культуры» (С. 35). Однако и это не так. К примеру, «почти всё, что принято считать европейской наукой и математикой XVI–XVII вв., на самом деле основано на развитии математики, физики, химии и медицины в мусульманских странах в IX–XV вв.»³⁰.

В труде Кареева явно прослеживается влияние не только цивилизационной, но и других теорий, популярных в его время – в частности, теории расовой. Если Тойнби, размышляя о цивилизациях, решительно дистанцируется от работ Ж.А. де Гобино и Х.С. Чемберлена³¹ и называет расовые чувства «предрассудком», то Кареев в полной мере отдает дань и этой традиции. «Человеческий род, – пишет он, – распадается на несколько пород, или рас, не одинаково одаренных в духовном отношении» (С. 60). Упомянув о том, что из-за многочисленных ассимиляций ни один существующий народ не может считаться потомками арийцев, Кареев, тем не менее, четко делит человечество на высшие и низшие расы, полагая, что «почти вся Европа сделалась арийской и христианской» (С. 63). Таким образом, его европоцентризм получает дополнительное подтверждение и со стороны расовой теории: «В то время как арийская Европа прогрессировала, ближайшая к ней часть Азии, турецкая, была воплощением культурного застоя»

²⁹ Крадин Н.Н. Монгольская империя, её улусы и её наследие // Всемирная история. Т. 2. С. 632.

³⁰ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 291.

³¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 96 и след.

(С. 65). Отметим, что речь здесь идет о Средневековье, и это при том, что XV–XVI вв. как раз считаются временем расцвета османской культуры.

Трудно сказать, что для Кареева более приоритетно – дух или материя: то он говорит о вполне материальных заслугах европейской цивилизации, то на первый план выводит ее духовную культуру. В конечном счете, несмотря на то, что Кареев «в области мысли чувствовал себя всегда ближе к позитивистам, реалистам и материалистам»³², а с религиозной верой «давным-давно свел счеты»³³, из его слов все же складывается впечатление, что дух и материя для него равноправны и что залогом научных и технических успехов европейцев стало их превосходство в духовной сфере: «Само христианство по сравнению с магометанством заключало в себе некоторые особенности, благоприятные для прогресса» (С. 36). Истинный же прогресс, считает Кареев, начался с момента расцвета светской культуры, которая впитала в себя достижения Античности. Религия в его представлениях – это, по сути, ядро, привязанное к ноге каторжника: те народы, для которых остался характерен религиозный догматизм, сошли с торного пути, не выдержав конкуренции.

«Развитие науки и светской философии, – декларирует Кареев, – составляют основу умственного прогресса» (С. 75), а основные его враги – «политический деспотизм и религиозный догматизм» (С. 97); как только античная цивилизация утратила светский характер, сразу же начался культурный кризис (С. 152). Соответственно, Средние века для Кареева – это во многом разрыв с традициями Античности; гуманизм, безусловно, подготовил почву для «успехов философии и положительных наук в XVI–XVII вв.» (С. 259), но всё же культура в это время была преимущественно религиозной. К концу же этого периода «политический абсолютизм и религиозная реакция протягивали друг другу руки для совместного действия» (С. 258).

Как и в других работах Кареева, едва лишь повествование доходит до преддверия Французской революции, западноевропейский абсолютизм предстает подобием российского самодержавия: «Сведенный к таким общим чертам – прямо пишет автор, – “старый порядок” напоминает собой строй Российской империи». Историк делит «общество на привилегированное меньшинство и

³² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 301.

³³ Там же. С. 294.

подвластную ему массу, часто даже бесправную», причем, отмечает Кареев, «первым двум сословиям принадлежала большая часть земли» (С. 273). Последний тезис тем более удивителен, что «русская школа» славилась именно исследованиями аграрной истории Франции, которым отдал дань и сам Кареев. Уж кому, как не ему – пусть даже до появления современных исследований, оценивающих дворянское землевладение лишь в 20 % всей земли, а церковное в 10 %³⁴ – должно было быть известно, что большая часть земли принадлежала отнюдь не привилегированным сословиям. Даже из небольшого отчета о командировке во Францию, опубликованного Иваном Васильевичем Лучицким, современником Кареева, следует, что ситуация весьма варьировалась от коммуны к коммуне и, к примеру, в одной из общин Арраса первые два сословия в совокупности владели лишь 18 % земли³⁵.

Эти тезисы Николая Ивановича Кареева лишний раз напоминают о том, что вся книга «По большой дороге истории» выстроена во многом по тем же принципам, что и другие его обобщающие труды, в частности, уже упомянутая книга о Французской революции. Стремясь убедить читателя в правильности своей трактовки всемирной истории, одни факты он выводит на первый план, о других умалчивает, третьи упоминает мимоходом, а вместо четвертых дает свою трактовку. Рассказывая о революции во Франции, он стремится создать у читателя вполне определенную картину будущего России – без деспотизма и догматизма, без самодержавной власти; России, обновленной спасительной и необходимой революцией, как была некогда обновлена Франция. И данный труд в полной мере работает на ту же идеологическую модель: пока Россия не станет Европой, стоять ей на обочине «большой дороги истории», печально глядя на то, как другие нации проходят мимо нее к светлому будущему.

Казалось бы, советская власть должна была в полной мере оценить страстный призыв историка к революции, однако этот его труд, как и ряд других, остался неопубликованным. Исследовательская модель Кареева не вызвала ни малейших симпатий у историков-марксистов. В 1923 г. он был отстранен от преподавания, практически перестали выходить его книги. С обидой и непониманием писал он об этом в мемуарах: «Я считал себя всегда

³⁴ *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 62.

³⁵ *Лучицкий И.В.* Вопрос о крестьянской поземельной собственности во Франции до Революции и продаже национальных имуществ. Киев, 1894. С. 35.

человеком прогрессивных устремлений и искал знакомств среди либералов, радикалов и революционеров <...>. Я не только не изменился. Но и не хотел измениться не по внутреннему убеждению, а в порядке приспособления. <...>Так обгоняла меня быстро текущая жизнь, так всё более сходил я с общественной сцены и даже при жизни начинал приходить в забвение»³⁶.

Впрочем, даже как памятник исторической мысли это сочинение Кареева выглядит весьма неоднозначно. Научный исторический анализ, попытку дать свой, новый, взгляд на всемирную историю – как это позднее сделает Тойнби, чьи книги переиздаются и вызывают интерес вплоть до сегодняшнего дня, – у Кареева во многом заменяют идеологическая пристрастность и стремление любой ценой утвердить «правильную» точку зрения. Увы, именно в силу подобных подходов его обобщающие труды оказались в стороне от «большой дороги историографии», которая пошла по совсем иному пути.

В XX в. многие авторы писали о «великой дивергенции» и «европейском чуде». Одни из них стояли на позициях европоцентризма, другие пытались его преодолеть, говоря о европейском превосходстве как факторе временном и подчеркивая, что «в Средние века технологии преимущественно мигрировали из мусульманских стран в Европу, а не наоборот» и «до конца Средних веков Западная Европа была самым технологически отсталым из всех “цивилизованных” регионов Старого Света»³⁷. Впрочем, все они обосновывали свою точку зрения, ссылаясь на самый широкий спектр факторов: изменение отношения к науке, поток драгоценных металлов из Нового света, финансовые реформы, относительно низкие цены на энергоносители, создание капиталистической мир-системы, но отнюдь не какое-либо духовное или тем более расовое превосходство европейцев, якобы и обеспечившее им ускоренное развитие науки и техники.

REFERENCES

- Brunot F.* Histoire de la langue française des origines à 1900. P., 1930. Vol. 6. 1ère partie.
Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. d'A. Rey. P., 2011. Version numérique (ePub).

³⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 301.

³⁷ Даймоно Дж. Ружья, микробы и сталь. М., 2010. С. 320, 321.

- Finlay R.* Portuguese and Chinese Maritime Imperialism: Camoes's Lusiads and Luo Maodeng's Voyage of the San Bao Eunuch // Comparative Studies in Society and History. 1992. Vol. 34. N 2. P. 225-241.
- Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. Москва: Издательство МГУ, 1987 [Ado A.V. Krest'iane i Velikaia frantsuzskaia revoliutsiia. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1987].
- Арапова Т.Б.* Фарфор и керамика из Китая из Собрания Шанхайского музея. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007 [Arapova T.B. Farfor i keramika iz Kitaia iz Sobraniia Shankhaiskogo muzeia. Sankt-Peterburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2007].
- Бэшем А.* Цивилизация Древней Индии. Екатеринбург: У-Фактория, 2007 [Beshem A. Tsivilizatsiia Drevnei Indii. Ekaterinburg: U-Faktoriia, 2007].
- Голдстоун Дж.* Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850. Москва: Издательство Института Гайдара, 2014 [Goldstoun Dzh. Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoi istorii, 1500-1850. Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2014].
- Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь. Москва: АСТ, 2010 [Diamond Dzh. Ruzh'ia, mikroby i stal'. Moskva: AST, 2010].
- Кареев Н.* Учебная книга древней истории. Петроград: Типография М.М. Стасюлевича, 1914. 9-е изд. [Kareev N. Uchebnaia kniga drevnei istorii. Petrograd: Tipografiia M.M. Stasiulevicha, 1914. 9-e izd.]
- Кареев Н.И.* Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III года. По архивным источникам. Петроград: Сенатская типография, 1915 [Kareev N.I. Bor'ba parizhskikh sektsii protiv dekretov 5 i 13 friuktidora III goda. Po arkhivnym istochnikam. Petrograd: Senatskaia tipografiia, 1915].
- Кареев Н.И.* Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? Харьков: Типография «Печатное дело», 1914 [Kareev N.I. Bylo li parizhskoe vosstanie 13 vandem'era IV goda roialisticheskim? Khar'kov: Tipografiia «Pechatnoe delo», 1914].
- Кареев Н.И.* Великая французская революция. Петроград: Товарищество А.Ф. Маркса, 1918 [Kareev N.I. Velikaia frantsuzskaia revoliutsiia. Petrograd: Tovarishchestvo A.F. Marksa, 1918].
- Кареев Н.И.* История Западной Европы в новое время. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. Т. 3 [Kareev N.I. Istoriiia Zapadnoi Evropy v novoe vremia. Sankt-Peterburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha, 1893. T. 3].
- Кареев Н.И.* Неизданные документы по истории парижских секций 1790-1795 гг. СПб., 1912 [Kareev N.I. Neizdannye dokumenty po istorii parizhskikh sektsii 1790-1795 gg. SPb., 1912].

- Кареев Н.И.* Парижские секции времен Французской революции (1790-1795). Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1911 [Kareev N.I. Parizhskies ekszii vremen Frantsuzskoi revoliutsii (1790-1795). Sankt-Peterburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha, 1911].
- Кареев Н.И.* По большой дороге истории. Москва: Инфра-М, 2020 [Kareev N.I. Po bol'shoi doroge istorii. Moskva: Infra-M, 2020].
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990 [Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1990].
- Келли Дж.* Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир. Москва: КоЛибри, 2005 [Kelli Dzh. Porokh. Ot alkhimii do artillerii: istoriia veshchestva, kotoroe izmenilo mir. Moskva: KoLibri, 2005].
- Крадин Н.Н.* Монгольская империя, её улусы и её наследие // Всемирная история. Т. 2. Москва: Наука, 2012 [Kradin N.N. Mongol'skaia imperiia, ee ulusy i ee nasledie // Vsemirnaia istoriia. T. 2. Moskva: Nauka, 2012].
- Луцицкий И.В.* Вопрос о крестьянской поземельной собственности во Франции до Революции и продаже национальных имуществ. Киев: Типография императорского университета Св. Владимира, 1894 [Luchitskii I. V. Vopros o krest'ianskoi pozemel'noi sobstvennosti vo Frantsii do Revoliutsii i prodazhe natsional'nykh imushchestv. Kiev: Tipografiia imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1894].
- Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Москва: Просвещение, 1982. Т. 1 [Magidovich I.P., Magidovich V.I. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytii. Moskva: Prosveshchenie, 1982. T. 1].
- Матвеевская А.С.* Об отношении Н.И. Кареева к марксизму // Философия марксизма. История и современность. К 200-летию со дня рождения Карла Маркса. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018 [Matveevskaia A.S. Ob otnoshenii N.I. Kareeva k marksizmu // Filosofiiia marksizma. Istoriia i sovremennost'. K 200-letiiu so dnia rozhdeniia Karla Marksa. Sankt-Peterburg: POLITEKh-PRESS, 2018].
- Морган Л.Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Ленинград: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1935 [Morgan L.G. Drevnee obshchestvo, ili Issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935].

- Пигулевская Н.* Византия на путях в Индию. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1951 [Pigulevskaia N. Vizantiia na putiakh v Indiiu. Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951].
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории. Москва: Прогресс, 1991 [Toinbi A.Dzh. Postizhenie istorii. Moskva: Progress, 1991].
- Уваров П.Ю.* «Роскошь феодализма» // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. Москва: Наука, 2012 [Uvarov P.Iu. «Roskosh' feodalizma» // Vsemirnaia istoriia. T. 2. Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka. Moskva: Nauka, 2012].
- Февр Л.* Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. Москва: Наука, 1991. С. 239-281 [Fevr L. Tsivilizatsiia: evoliutsiia slova i gruppy idei // Fevr L. Boi za istoriiu. Moskva: Nauka, 1991. S. 239-281].
- Чудинов А.В.* Французская революция. История и мифы. Москва: Наука, 2007 [Tchoudinov A.V. Frantsuzskaia revoliutsiia. Istoriia i mify. Moskva: Nauka, 2007].
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 21. С. 23-178 [Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva v sviazi s issledovaniiami L'iuisa G. Morgana // Marks K., Engel's F. Sochineniia. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. T. 21. S. 23-178].

Бовыкин Дмитрий Юрьевич,

доктор исторических наук,
 профессор кафедры новой и
 новейшей истории
 исторического факультета
 Московского государственного
 университета
 им. М.В. Ломоносова.
 119192, Москва Ломоносовский
 проспект, д. 27, корпус 4
 E-mail: bovykin@hist.msu.ru

Bovykin, Dmitry

Dr. Hab. (History), professor,
 Department of Modern and
 Contemporary History, Faculty of
 History
 Moscow State University
 27-4, Lomonosovskiy prospect, Moscow,
 Russian Federation
 E-mail: bovykin@hist.msu.ru
 ORCID: 0000-0001-9415-768X
 Researcher ID: D-9259-2017